
КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Ильма Ракуза. Одиночество с раскатистым «р»: Рассказы.
Пер. с нем. В. Агафоновой. СПб.: Алетейя, 2021. – 122 с.

Люди и места. Встречи и расставания. Основная тема — частная жизнь, оттенки чувств. Короткие рассказы от первого лица: если речь идет об отношениях «он и она», повествование ведет главная героиня; о своих, порой случайных знакомых рассказыва-

ет сторонний наблюдатель, женщина. «Он и она» — это и подростки, познакомившиеся на горнолыжном курорте, быстротечный роман, «поцелуй как вкус фиалки», волшебство, что не повторилось при встрече через год («Морис»). «Он и она» — это и ностальгическая поездка выбившегося из нищеты миллионера на родину, в английскую деревню на берегу моря, чтобы показать своей спутнице «места, где он пинал мяч, где на попутных автобусах ехал в портовый город, чтобы обследовать бары, сами бары, мамину могилу, бабушкин домик, дубравы Дорсета, зеленые холмы с шерстяными овцами, гусиные пруды, деревенские пабы с камышовыми крышами, все. Дождь и солнце, соль и ветер, весну, лето, осень за один день» («Стив»). Тема «он и она» присутствует и в рассказах «стороннего наблюдателя». Из эпизодов и диалогов складываются линии судеб героев, прошлое и настоящее. Ильма Ракуза оставляет в своих историях место таинственной недосказанности. Редкий случай, когда поставлена точка или почти поставлена, рассказ «Катица» о венгерской скрипачке, с которой рассказчица познакомилась в подземном переходе в Париже. Катица «выросла в степи, где земля как тарелка, а над ней неохватное небо. Такую ширь можно вынести, только если петь ей». У Катицы все складывалось удачно: учеба в Будапеште, работа на радио, любящий муж. Но однажды все рухнуло, Катица уехала в деревню ухаживать за заболевшей матерью и потеряла мужа. В финале — робкая надежда на светлое будущее: «все должно начаться заново или получить продолжение, радостное. Она все-таки не перестала петь». Чаще всего финал открытый, читателю, как и героине, остается только догадываться, будет ли у любви героини продолжение. Рассказы И. Ракузы — это рассказы о людях, оторванных от своей земли, кочующих по свету. Они ищут, находят, теряют, проживают непростые, подчас драматические жизни. Что же их гонит? Личные драмы. Фортуна улыбнулась девочке из Тамбова, чья мать умерла, отец пил. Училась в Саратове на медсестру, познакомилась со студентом-химиком, немцем. Вышла замуж, уехала в Германию. Баловала мужа домашней едой, посещала с ним танцзалы, делилась детскими воспоминаниями с рассказчицей, у которой работала сиделкой: «Бегу вдоль забора. Лето, цветы кругом. Из кустов выпархивают птицы. Знаешь, что такое счастье? Когда над тобой танцует бабочка-лимонница». На пятом году супружества потеряла ребенка — выкидыш. И внезапно решила: «Еду в Индию, к беднякам на Ганге». «Не переживай, — сказала она, — все будет хорошо. И заговорила о том, о сем, минуя существенное. Я услышала о летней шляпе цвета хаки, о геранях в садике на крыше, о запинаящейся походке старика, за которым она время от времени ухаживала в Фриденау. И о набоковской книге „Память, говори“. „Наконец-то мне открылась розовая обивка из его детства, весь волшебный мир шмелей и бабочек“». В Германию она не вернулась («Марья»). «В Азию, к монахам, поденщикам, попрошайкам, святым, йогам, огнепоклонникам... Далеко. Чтобы ничего не помнить», сбежала Лу, героиня одноименного рассказа. Не помнить, что ее двенадцатилетняя сестра утонула в море, когда сама Лу сидела на берегу в шезлонге. Не уследила. Не помнить, что отказалась рожать от любящего и, кажется, любимого человека, сделала аборт. «Отказ быть матерью сжигал ее изнутри». Исцелила ли ее поездка в Азию? Финал открытый. Кто-то может сменить направление размеренной жизни: «Выскочить из вагона, уйти, не надеясь ни на что, кроме верности принятого решения. Или все же втайне надеяться на судьбу, на „милость момента“». Для других «ехать в никуда наудачу — страшный сон. И тем больше я восхищаюсь искателями приключений, которым это удастся. И которые там, за горами, за долами совершают главные открытия в своей жизни. Новые начала, новые друзья». География рассказов обширна: Будапешт, Париж, Цюрих, Гарц, Сараево, Нагоя, деревни: Венаск в Провансе, итальянская Бондо, словенская Томай. И везде люди, чьи судьбы

волнуют автора, и краткие вторжения в одиночество человека. Странствующий ветеран британской армии, получивший тяжелое ранение в Египте, страдающий от одиночества, от травм, нанесенных войной, от бездомности, от своего еврейства, от видений, от которых не избавиться. В словенской деревне Томай, в случайной Аркадии, что не знает бензозаправок, греха и смущения, где июльский день пахнет тимьяном и самшитом, пока солнце не сожжет все запахи, и лишь кое-где останутся крохи, в тени кипарисов, в кустах бузины, работой в огороде избывает свою печаль по умершей жене Йосип. «Память? Я думал она крепкая, как железо. А она тает, как лед. Только эта зелень и напоминает мне, что мы сажали ее вместе, она и я». Тоскует в Дорсете на берегу моря удачливый миллионер, «А покинутая детская душа плачет». И. Ракуза пишет поэтично и красиво, ее стиль лаконичен, предельно точно она рисует разнообразие ландшафты, передает тончайшие запахи, звуки, краски природы. Она — писатель с внушительным культурным багажом. Ее герои обсуждают Канта и Деррида, смотрят фильмы Тарковского, Феллини, Трюффо и Годара; в провансальской деревушке русский отдыхающий, чьи родители эмигрировали еще в двадцатые годы, читает стихи русских поэтов Серебряного века; тень Сречко Косовела, наиболее значительного словенского поэта периода после Первой мировой войны, витает в Томае. И. Ракуза конкретна в своих описаниях, будь то синтоистская свадьба, кафе и бары Цюриха, ландшафты Гарца, где прошло ее детство. Ей принадлежит большой мир: она родилась в 1946 году в Словакии, отец — словенец, мать — венгерка, росла в Будапеште, Любляне, Триесте, окончила гимназию в Цюрихе, изучала славянскую и романскую филологию в Цюрихе, Париже, Ленинграде. Ее герои обитают в Европе доковидной, докризисной, в Европе, которую она знает и любит. Диссонансом к рассказам выглядит заключительный, «Колянск», о поселке в снежной глуши, где «земля плоская как тарелка, равнина сплавлена с горизонтом», снег лежит девять месяцев в году и в снежном дурмане живут порочно-пьяные люди. Несколько преобразуется деревня летом. Умозрительный, надуманный характер рассказа выдает и вымышленное название поселка, и то, что это единственный рассказ, который ведется не от первого лица.

Аза Пальчикова. В окружении красоты. Воспоминания музейного работника. Под редакцией Г. Филатовой. 2-е изд. Симферополь: Н. Орианда, 2021. — 200 с.: ил. — (Серия «Музейные мемуары»).

Воспоминания старейшего музейного работника Крыма Азы Павловны Пальчиковой (1931—2016), создателя музейных экспозиций в трех самых известных дворцах крымского Южного бережья: в Воронцовском, Ливадийском и Массандровском. Самым счастливым временем ее жизни, считает она, была работа с единомышленниками по воссозданию практически утраченных интерьеров Воронцовского дворца. С перерывами для работы в других музеях в Воронцовском дворце она проработала более 50 лет. Этот дворец, расположенный в Алушке у подножия горы Ай-Петри, по праву считается одной из жемчужин Крыма. В нем успешно соединились два архитектурных стиля: строгая английская неоготика и пышный восточный, неомавританский. После смерти первого владельца дворца светлейшего князя М. Воронцова (1856) дворец перешел к его близким родственникам. После революции дворец был национализирован и уже в 1921 году превратился в музей. В годы Второй мировой войны экспонаты спрятать не успели, многое вывезли оккупанты. Во время Ялтинской конференции (февраль 1945-го) во дворце останавливался У. Черчилль, вплоть до 1956-го здесь располагалась правительственная дача, часть музейных ценностей отправили в запасни-

ки. В 1955 году здесь решили открыть санаторий, и все экспонаты в приказном порядке роздали по музеям. Потом пришли к выводу, что помещение дворца не подходит для санатория и в нем следует организовать музей изобразительного искусства. Вот тогда-то в мае 1957 года в Воронцовский дворец на должность заместителя по научной работе Министерством культуры была направлена Аза Пальчикова. Увиденное — выставка украинского народного и декоративно-прикладного искусства — шокировала. Экспонаты были чудесны, но в интерьеры не вписывались. Ярко-красные куманцы и керамические кувшинчики не смотрелись на фоне больших полотен Г. Робера, искусно вмонтированных в красивые резные рамы, и картины закрыли обтянутыми холстом щитами. В голубой гостиной развешанные на стенах купоны мужских сорочек и женских кофточек, выполненные в технике филейного шитья, закрывали прекрасную рельефную лепку стен. Посетители бунтовали: они хотели видеть картины и лепку. А. Пальчиковой удалось отстоять свое видение будущего музея: интерьерный дворец. Союзники нашлись и в партийных органах, и в Министерствах культуры — СССР и УССР, и в самом музее. Было поставлено одно условие: показать роль крепостных Воронцова в строительстве дворца. А. Пальчикова подробно рассказывает, как разыскивались и возвращались во дворец розданные экспонаты, как восстанавливались интерьеры дворца, как шла работа по сбору материалов о крепостных строителях дворца. Ей удалось установить немало интересного. Например, то, что в работе принимали участие потомственные камнетесы из воронцовских вотчин, что эти мастера из поколения в поколение предавали искусство возведения и рельефной отделки белокаменных соборов Владимира и Суздаля. А. Пальчикова дает описание интерьеров дворца, рассказывает о судьбах многих экспонатов, повествует о работе в Массандровском и Ливадийском дворцах. Музейные будни — это и экскурсионная работа, и визиты важных гостей, и работа в архивах, и постоянное повышение квалификации: конференции, поездки, командировки, встречи. И всегда рядом с ней самоотверженные, влюбленные в свою работу, во дворец люди. А. Пальчикова — прекрасный рассказчик, у нее цепкая память и хорошее чувство юмора. Как светлое, радостное, наполненное любовью время вспоминает она свое довоенное детство в Воронеже: самодельные елочные игрушки, обязательный в то время у каждого ребенка свой собственный плюшевый мишка, друзья детства. В Старом Осколе в доме бабушки и дедушки в эпоху все еще воинствующего атеизма состоялось ее знакомство с христианскими праздниками: дивные бабушкины блины на Масленицу, уникальные куличи и пасха на Пасху. Там дед первый раз повел маленькую внучку в церковь. «Аза, я хочу, чтобы ты узнала немного о нашей православной вере, о наших традициях. Я никогда не вмешивался в ваш семейный уклад, не противоречил твоим родителям — атеистам. Но ты — русская, ты должна знать хотя бы немного о нашей вере. Завтра я разбужу тебя очень рано, и мы пойдем с тобой в церковь. Ты знаешь, что мы с бабушкой всегда посещали церковь, но никогда тебя не брали. А завтра служба в церкви будет проходить в последний раз, потому что все церкви закрываются, и ты, быть может, никогда больше не сможешь увидеть церковную православную службу. Я хочу, чтобы ты запомнила ее». И она запомнила необычайный свет в высоком храме, чарующее пение, слезы не только старушек, но и молодых мужчин. А потом была эвакуация в Чкалов (Оренбург), нелегкая жизнь там, переезд в Борисоглебск, где она окончила и общеобразовательную, и музыкальную школы. С золотой медалью легко поступила в МГУ, где получила необычную специальность: историк, искусствовед, музейный работник. И вся ее жизнь оказалась связана с музеями, и больше всего в профессии искусствоведа ей нравились исследовательская работа и создание экспозиций. Первую свою экспозицию она формировала в Художественном музее Ульяновска, куда попала по рас-

пределению. Ей, единственному специалисту в городе, предстояло организовать отдел западноевропейской живописи из картин, переданных в музей в 20-е годы из национализированных имений, расположенных недалеко от города Симбирска. На приеме нового отдела комиссией с представителями горисполкома и горкома партии случилось непредвиденное. Картину неизвестного художника XVI века, где три прекрасные обнаженные женщины — Афродита, Афина и Гера — ждали, когда не менее прекрасный и тоже обнаженный юноша решит, кто же из них самая красивая, сопровождала табличка с подписью: «Академик Лысенко среди колхозников». Раму позаимствовали у другой картины, не сняв старую этикетку. После Ульяновска была работа в Ужгороде в Закарпатской картинной галерее. Не сложилось из-за событий в Венгрии 1956 года, расколовших дружный вроде бы коллектив на две враждебные группы. Оборвались отношения и с другом венгром, с которым они строили планы на совместное будущее. «Всю жизнь я работала в красивых дворцах, красивых интерьерах, красивых парках, меня окружали красивые произведения искусств. Я никогда не думала об этом, просто любила свою работу и хорошо ее делала. Но ведь действительно, именно эта красота всегда мне и помогала держаться в сложные времена». Аза Пальчикова участвовала во многих культурных событиях Южного берега Крыма до конца жизни.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург, Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)